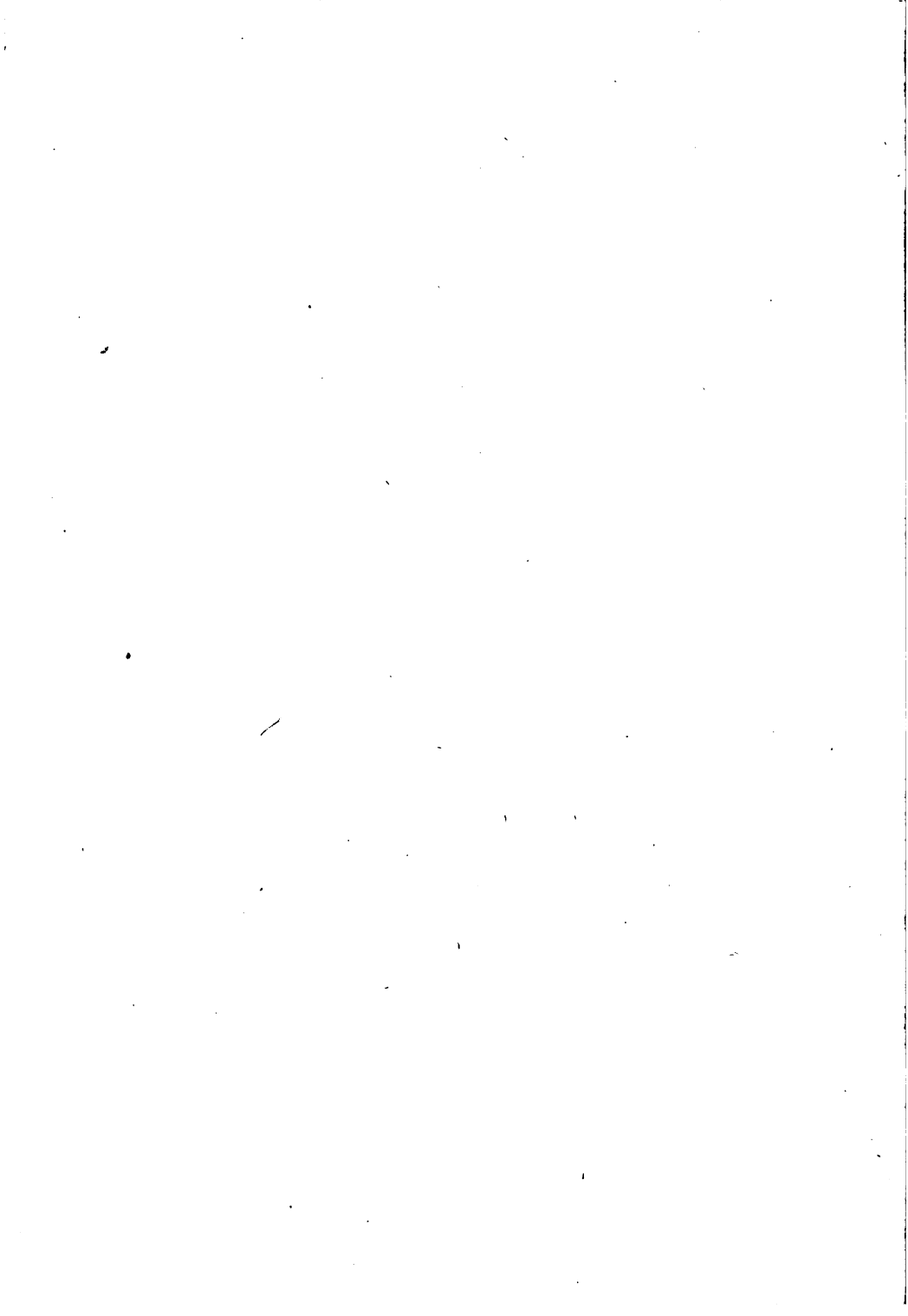

КОРАБЪЛЪ РЕТВИЗАНЪ.

КОРАБЛЬ РЕТВИЗАНЪ

(ГОДЪ ВЪ ЕВРОПѢ И НА ЕВРОПЕЙСКИХЪ МОРЯХЪ)

ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ И ВОСПОМИНАНІЯ.

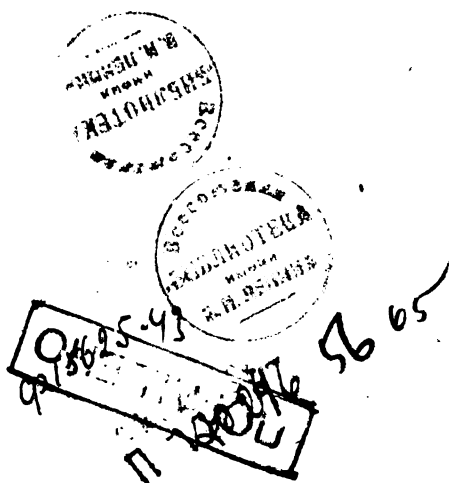
Д. В. ГРИГОРОВИЧА.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Свирятина, на углу Фонарнаго пер., д. Франца.

1873.

HARVARD UNIVERSITY
WIDEN LIBRARY

77*2 (522)

✓

КОРАБЛЬ «РЕТВИЗАНЪ».

(Годъ въ Европѣ и на европейскихъ моряхъ).

I.

Что заставило автора перемѣнить почву мирнаго сельскаго коноплянника на корабельную палубу. — Визиты. — Кронштадтъ. — „Ретвизанъ“ и купеческая гавань. — Морская поговорка. — Винтъ съ флюсомъ. — Поэтическія мечты вызванныя созерцаніемъ Кронштадта. — Таинственный подводный врагъ. — Докъ снова принимаетъ „Ретвизанъ“ въ свои отеческія объятія. — На рейдѣ. — Проводы. — Лейтенантъ В*. — На „Ретвизанъ“ оказываются знаменитый итальянецъ. — Первые впечатлѣнія на ютѣ и на бабѣ. — Очевидность прогресса. — Корабельные звуки. — О. Р. III* — Поваръ турецкаго посланника. — Гогландъ. — Ревель. — Ретвизанская каютъ-компанія. — Морѣ.

Въ первыхъ числахъ Мая 1858 года, авторъ этихъ походовъ, столько же сухопутныхъ, какъ вы увидите, сколько и мореходныхъ, — смиренно проживалъ въ одномъ изъ самыхъ глухихъ, отдаленнѣйшихъ уголковъ Россіи, когда неожиданно получено было имъ письмо такого содержанія:

— „Корабль „Ретвизанъ“ сымается съ якоря пятнадцатаго мая съ тѣмъ чтобы отправиться на годовичное плаваніе въ Средиземное море. Предупреждаю: корабль уходитъ изъ Кронштадта 15 числа „навѣрное“ (последнее слово было дважды подчеркнуто); примите-же ваши мѣры и Бога ради не опоздайте...“

Письмо было отъ одного изъ моихъ литературныхъ товарищей.

Кор. Ретвиз.

Дня два спустя я сидѣлъ въ вагонѣ желѣзной дороги и стремительно летѣлъ въ Петербургъ.

Но здѣсь, читатель, заинтересованный не столько конечно личностію автора, сколько странностію новыхъ отношеній литературы къ кораблямъ и экспедиціямъ, скажетъ вѣроятно: „съ какой-же стати литератору писать другому литератору о такомъ предметѣ? Корабль, сколько намъ до сихъ поръ извѣстно, — самъ по себѣ, — литераторъ также самъ по себѣ; первый составляетъ неотъемлемую принадлежность морскаго министерства; второй, сколько извѣстно, не принадлежитъ никакому вѣдомству и министерству; связи между ними никогда не существовало; рѣшительно нѣтъ ничего общаго... Общее въ томъ развѣ, что корабль строится изъ дуба, тогда какъ перо литератора добывается изъ гуся или выбивается изъ стали...“

Все это, прибавлю я съ своей стороны, — какъ нельзя болѣе справедливо.

Вотъ въ чемъ дѣло однакожъ и какъ все это случилось.

Мѣсяцевъ за шесть до описываемыхъ событій, въ домѣ одного литератора говорили о превосходныхъ статьяхъ г. Шестакова въ Морскомъ Сборникѣ.

— Кстати о моряхъ и мореходахъ, сказалъ П*, хозяинъ дома, — нынѣшній годъ снова назначены морскія экспедиціи, даже цѣлыхъ три: одна на Амуръ, другая въ Пирей, въ Грецію, третья въ Средиземное море; морское министерство не шутя начинаетъ вести дѣла свои en grand!.. Знаете-ли также, что на каждую изъ этихъ экспедицій приглашаются литераторы? я знаю это изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ; меня просили даже узнать нѣтъ-ли желающихъ... Не хотите-ли, господа? Стоитъ сказать „да“ — я передамъ объ этомъ кому слѣдуетъ; и дѣло рѣшено! Не угодно-ли, напримѣръ, кому нибудь на Амуръ?..

— Слишкомъ ужъ что-то далеко... отозвались присутствующіе.

— Ну такъ въ Пирей, въ Грецію...

— На сколько времени?

— Не знаю навѣрное... кажется на годъ...

— Слишкомъ неопредѣленно...

— Ну такъ въ Средиземное море...

— На сколько времени?

— На годъ!—всего только на одинъ годъ, господа! сказалъ П* нѣсколько даже умиленнымъ голосомъ:—такой экспедиціи у насъ еще не было; это собственно не столько сухая, скучная экспедиція, сколько пикникъ.

— Какъ пикникъ?

— Да, пикникъ! Мнѣ говорилъ объ этомъ одинъ господинъ, которому дѣло знакомо какъ собственная ладонь; начать съ того: корабль,—одинъ изъ лучшихъ судовъ нашего флота; на немъ восемьсотъ человѣкъ экипажа и восемьдесятъ четыре пушки... но впрочемъ, для васъ, я полагаю, это вовсе не интересно; главное то, что корабль зайдетъ поочередно во всѣ порты Европы; изъ Кронштадта онъ отправится въ Копенгагенъ, оттуда въ Шербургъ (замѣтите: рукой только подать до Парижа!),—потомъ пойдутъ въ Кадиксъ; въ Кадиксъ вѣрно воспользуются случаемъ и съѣздить въ Севилью; тамъ въ Ниццу, Геную...

Я сталъ внимательно прислушиваться.

— Изъ Генуи, подхватилъ П*, замѣтивъ мой взглядъ и преимущественно обращаясь ко мнѣ,—изъ Генуи пойдутъ въ Чивитта-Веккіо (замѣтите опять, рукой подать до Рима!), изъ Рима въ Неаполь, изъ Неаполя въ Сицилію... Вы увидите Палермо, Сиракузы, Мессину...

Я сдѣлался еще внимательнѣе.

— Повторяю вамъ, господа, продолжалъ П* замѣтно воодушевляясь,—все это, въ общей сложности составитъ очаровательнѣйшую, поэтическую прогулку, какую когда либо приходилось дѣлать человѣку!.. Не будь у меня на рукахъ дѣйствительно серьезныхъ дѣлъ по журналу, не будь я связанъ те-перешними обстоятельствами, — я бы ни на секунду не призадумался... Вотъ вы Г*, примолвилъ онъ неожиданно становясь передо мною,—вы, который слушаете теперь съ такимъ вниманіемъ, — скажите на милость, отчего-бы вамъ наприимѣръ не поѣхать? Вы, съ тѣхъ поръ какъ я васъ знаю,—а это очень давно,—вы не перестаете мечтать и говорить о путешествіяхъ за границу, вы такъ страстно порывались всегда въ Италію;—вотъ случай! другого такого случая никогда уже не встрѣтится!..

— Все это очень хорошо, промолвилъ я, — но нельзя-же вдругъ...

— Въ чемъ-же остановка? нетерпѣливо перебилъ П*.

— Желательно было-бы знать прежде всего, продолжалъ я, — съ какою цѣлю пригласятъ меня на корабль? Чего тамъ отъ меня потребуютъ, что имѣется при этомъ въ виду? Что лежитъ въ основаніи этой экспедиціи по Средиземному морю?..

— Цѣль экспедиціи мнѣ не знакома, возразилъ П*; — но дѣло не въ этомъ; дѣло въ фактѣ, а фактъ тотъ, что вамъ представляется удивительный случай ѣхать въ Средиземное море и побывать въ Италіи, которую вы такъ любите. Что-жъ касается собственно до цѣли, съ какой приглашаютъ въ экспедицію литератора, — цѣль самая простая, естественная: вы поѣдете на томъ-же основаніи какъ Гончаровъ ѣздилъ въ Японію, — съ тою разницею однакожъ, что Гончаровъ плавалъ три года, испытывалъ всевозможныя невзгоды, бури, штормы, и проч. — съ вами ничего этого не случится... Средиземное море, сравнительно съ другими морями и океанами, это салонъ, гостинная; оно отъ нихъ отличается столько-же изяществомъ и прелестью своихъ формъ, сколько утонченною деликатностію обращенія... Обязательства ваши въ отношеніи къ морскому министерству будутъ заключаться въ слѣдующемъ: изощряйте вашу наблюдательность и передавайте на бумагу какъ можно болѣе правдиво и живописно ваши впечатлѣнія. Статьи ваши будутъ печататься въ Морскомъ Сборникѣ; цѣль этого изданія вамъ извѣстна: цѣль, — польза, которая непосредственно истекаетъ изъ правды, — той правды, которой мы до сихъ поръ такъ боялись! Зная направленіе журнала, вамъ тѣмъ болѣе легко будетъ удовлетворить его требованіямъ, что сами вы всегда раздѣляли его убѣжденія...

— Дѣйствительно все это очень соблазнительно, сказалъ я.

— Еще бы! радостно воскликнулъ П*, — главное, такого случая уже болѣе не повторится; — ловите его, дорогой другъ; ловите, говорю вамъ; — ловите!! присовокупили онъ разгорячаясь и убѣдительно размахивая руками.

— Что-жъ, я не прочь... вырвалось у меня невольно.

— По обыкновенію своему, Г* не шутя начинаетъ ка-

жется увлекаться, сказалъ посмѣиваясь одинъ изъ собесѣдниковъ,—о! велика ты твердость воли и несокрушимая сила убѣждений!! Вспомните однакожь, господа, зачѣмъ часъ тому назадъ явился сюда Г*? Онъ явился питая въ душѣ твердое, непоколебимое намѣреніе уѣхать въ свое захолустье, въ свой коноплянникъ, какъ выражается П*,—съ тѣмъ чтобы прожить тамъ безвыѣздно годъ и писать романъ....

— Скажи пожалуйста, перебилъ П* раздражаясь,—какое тебѣ дѣло до этого?

— Дѣла нѣтъ ни какого....

— Изъ чего же ты горячишься и хлопочешь? продолжалъ П*.

— А ты изъ чего горячишься и хлопочешь? спросилъ собесѣдникъ.

— Я убѣждаю Г* ѣхать, имѣя въ виду его же собственную пользу; я знаю какъ онъ любитъ путешествовать и хочу чтобы онъ увидѣлъ Италію... Оставь пожалуйста Г* увлекаться сколько ему угодно...

— Но Г* такъ охотно соглашается потому только, что понятія не имѣетъ о морѣ; бьюсь объ закладъ, Г* кромѣ какъ на картинкахъ не видалъ даже моря?...

— Почти что такъ...

— Вы не плавали даже по Финскому заливу дальше Петергофа?...

— Нѣтъ...

— Не видали даже въ глаза линейнаго корабля?

— Нѣтъ!

— Я вижу только, вижу, что на сколько мнѣ хочется, чтобы Г* ѣхалъ на кораблѣ, на столько тебѣ этого не хочется, перебилъ П*,—повторяю тебѣ: изъ чего ты хлопочешь?

— А я повторяю: изъ чего ты хлопочешь?

— Я уже сказалъ, что убѣждаю Г*, имѣя въ виду исключительно его пользу...

— Не вѣришь-ли ты также въ его влеченіе къ морю?... смѣясь перебилъ собесѣдникъ;—взгляни на него: взглядъ этотъ долженъ убѣдить тебя съ разу въ его неспособности къ морскимъ походамъ; у него нѣтъ морскихъ ногъ,—это очевидно, и сверхъ того,—это мое убѣжденіе,—онъ въ сильнѣйшемъ гра-

душѣ долженъ быть подверженъ морской болѣзни... Г* думаетъ вѣроятно, что море, по которому онъ собирается странствовать, тоже, что море ржи и конопляника, которое описываетъ онъ въ своихъ романахъ...

— Не думаю... возразилъ я, невольно настраиваясь подъ общій веселый ладъ,—если на то пошло, я скажу вамъ, что постоянно, всегда, чувствовалъ большое влеченіе къ морю.

— Гдѣ это?.. не въ Тульской ли губерніи?..

— Именно...

— Этого только не доставало!

— Верусь даже доказать это.

— Долго будетъ продолжаться доказательство?

— Нѣтъ, всего минуту.

— Доказывайте!

— Извольте; ели хотите знать, море, или вода, все равно, начали увлекать меня съ самаго дѣтства: лѣтъ четырехъ, переѣзжая на лодкѣ чрезъ большую рѣку, я повисъ на рулѣ,—оборвался и упалъ въ воду; лѣтъ тринадцати, купаясь въ Петергофѣ, я хотѣлъ сѣсть верхомъ на одно изъ бревенъ, которыми обнесено мѣсто для купанья,—перевалился на другую сторону,—и пошелъ ко дну какъ камень; лѣтъ двадцати, стоя на плотѣ на рѣкѣ Смедвѣ, я поскользнулся и примехонько шлепнулся въ воду; далѣе, когда я вступилъ уже въ зрѣлые лѣта,—и это засвидѣтельствуетъ присутствующій здѣсь П*—я съ особеннымъ удовольствіемъ ѣздилъ къ нему въ Ораніенбаумъ на дачу и тамъ, по цѣлымъ днямъ, съ утра и до вечера прогуливался по берегу Финскаго залива,—и какъ еще прогуливался:—не выпуская изъ рукъ зрительной морской трубы!.. Все это ясно кажется говорить въ пользу моего влеченія къ водѣ... Но если мало вамъ такихъ доказательствъ,—я заключу тѣмъ, что совершенно соглашаюсь съ П* и готовъ самымъ серьезнымъ образомъ принять приглашеніе морскаго министерства!

— Не можетъ быть, воскликнули всѣ въ одинъ голосъ.

— Серьезно...

— И вы не шутите? спросилъ П*, подпрыгивая отъ восхищенія.

— Нисколько.

— Bravo! закричалъ П*, отерывая мнѣ свои объятія.

Мы обнялись и тутъ же разразились самымъ неистовымъ смѣхомъ, какой выходилъ только изъ груди человѣческой.

Разговоръ этотъ, имѣвшій отъ начала до конца шутиливый характеръ, рѣшилъ однакожъ тѣмъ не менѣ мою судьбу по-крайней мѣрѣ на годъ.

На другой же день получилъ я форменную, официальную бумагу; морское министерство приглашало меня идти въ Средиземное море и просило письменнаго согласія, въ случаѣ если я согласенъ.

Случись все это дня черезъ два или три,—я бы по всей вероятности отказался;—тѣмъ бы конечно дѣло и кончилось. Но послѣ вчерашняго разговора мысли настроены были къ путешествіямъ; къ тому же доводы П* живо еще представлялись памяти и подогрѣвали воображеніе.—Я подписалъ бумагу.

Начало плаванія назначено было къ Маю будущаго года; былъ тогда Январь мѣсяцъ; въ ожиданіи будущаго странствія, я отправился въ свое захолустье, — гдѣ и прожилъ до той минуты, пока не получилъ письма, выставленнаго въ началѣ главы.

Сколько я себя помню,—меня постоянно преслѣдуетъ страхъ не опоздать ко времени, преслѣдуетъ мысль, что я непременно опоздаю на свиданіе или не явлюсь къ назначенному сроку. На этомъ основаніи я всю жизнь мою являюсь на вечера прежде чѣмъ тамъ зажгутъ свѣчи и лампы,—являюсь на желѣзную дорогу часа за два до отправленія,—на свиданье назначенное пріятелемъ, въ то время, когда пріятель спитъ еще крѣпкимъ сномъ, и. т. д. Можете судить, что случилось со мною, при полученіи этого письма.

— „Сегодня пятое число, говорилъ я суетясь какъ чловѣкъ запертой въ комнатѣ въ такую минуту когда кругомъ раздаются крики „пожаръ!“,—“Ретвизантъ“, сымается съ якоря пятнадцатаго; остается всего слѣдовательно десять дней... Десять дней!—и въ это время надо успѣть доѣхать до Москвы, пріѣхать въ Петербургъ, успѣть сдѣлать кой какія распоряженія и необходимыя дорожныя покупки..“

Дней пять спустя я подвѣзжалъ уже къ Петербургу.

Первымъ дѣломъ моимъ было броситься въ дрожки и поскакать въ Адмиралтейство.

При входѣ въ главный ворота этого зданія,—я почувствовалъ однакожь, что надо поневолѣ укротить порывъ своего нетерпѣнія и охладиться. Я увидѣлъ себя въ положеніи чловека попавшаго неожиданно въ страну совершенно незнакому,—точно въ другой міръ какой-то.

Вправо шла галлерей со сводами, которая тянулась безконечно и казалось пропадала въ неизвѣстности; на лѣво точно въ зеркалѣ отражалась такая же точно перспектива; тамъ и сямъ сновали люди въ фуражкахъ и курткахъ со свѣтлыми пуговицами.

— Скажите пожалуйста, обратился я къ первому встрѣтившемуся туземцу,—гдѣ здѣсь можно узнать о корабляхъ, которые отправляются изъ Кронштадта въ заграничное плаваніе?..

— Не могу знать! возразилъ туземецъ вытягиваясь по швамъ.

Онъ очевидно былъ изъ Русскихъ;—меня это значительно ободрило; я поочередно началъ обращаться съ моимъ вопросомъ къ каждому, кто только попадался на встрѣчу.

Отвѣтъ былъ неизмѣнно одинъ и тотъ же.

Не знаю, сколько пришлось бы бродить по этому лабиринту, еслибъ не выручилъ офицеръ; онъ очень обязательно объяснилъ мнѣ, что такіа справки получаютъ въ инспекторскомъ департаментѣ, находящемся въ томъ же зданіи.

Инспекторскій департаментъ найти было не очень трудно: языкъ доведетъ до кѣва, говорить пословица.

— Кого надо? спросилъ меня часовой, приставленный къ дверямъ инспекторскаго департамента.

— Генерала! сказалъ я на обумъ.

Часовой обомлѣлъ и вытянулся; я вступилъ въ комнату наполненную офицерами, просителями и писарями.

— Что вамъ угодно? спросилъ одинъ изъ офицеровъ.

Я рассказалъ ему въ чемъ дѣло; онъ передалъ меня на руки адъютанту, который выслушалъ меня наклонивъ на бока голову; послѣ этого, адъютантъ передалъ меня на руки полковнику, который также выслушалъ меня наклонивъ на бока

голову; затѣмъ полковникъ передалъ меня другому адъютанту, и я введёнъ былъ куда слѣдуетъ.

Но увы! въ инспекторскомъ департаментѣ рѣшительно ничего не было извѣстно о срокѣ ухода „Ретвизана“. Я узналъ только, что „Ретвизанъ“ дѣйствительно существуетъ, узналъ, что „Ретвизанъ“, точно, не шута идетъ въ Средиземное море; мнѣ показали даже списокъ гг. офицеровъ назначенныхъ на „Ретвизанъ“; но когда корабль снимается съ якоря,—на это инспекторскій департаментъ не могъ дать никакого отвѣта.

— Нельзя-ли узнать покрайней мѣрѣ гдѣ живетъ капитанъ „Ретвизана“? спросилъ я какъ бы по вдохновенію.

— „Капитанъ, думалъ я, долженъ же знать что нибудь опредѣлительное объ этомъ предметѣ; иначе быть не можетъ“..

Было бы проще конечно отправиться прежде всего къ П* и справиться, на чемъ основывалъ онъ письмо свое; но когда ужъ человѣкъ сбить разъ съ толку и засуетится,—ему свойственно еще больше запутываться и усложнять дѣло; простые способы,—вѣдь это нѣкоторымъ образомъ ядро Колумба; они обыкновенно послѣдними приходятъ въ голову.

Адресъ капитана былъ тотчасъ же мнѣ доставленъ.

— „Теперь одиннадцать часовъ, подумалъ я, спускаясь съ лѣстницы департамента,—кронштадтскій пароходъ отходить въ двѣнадцать; мнѣ остается ровно столько времени, чтобы не опоздать на пристань“.

Въ двѣнадцать часовъ пароходъ отвалилъ отъ набережной Васильевского острова, а въ два приставалъ къ Кронштадту.

Я никогда прежде не бывалъ въ Кронштадтѣ; къ сожалѣнію, на этотъ разъ, я ничего не могу сказать вамъ объ этомъ городѣ; дулъ сильный вѣтеръ и такъ какъ въ Кронштадтѣ приходится проѣзжать сначала большую немощеную площадь, потомъ длинную улицу, въ которой вымощена одна только половина,—вѣтеръ держалъ въ воздухѣ такую страшную тучу пыли, что надо было избрать одно что нибудь: или открыть глаза и ослѣпнуть; или зажмурить глаза и не видать Кронштадта; я рѣшился на послѣднее. Я открылъ глаза тогда только, когда извозчикъ остановился у подъѣзда капитанской квартиры.

Подымаюсь по лѣстницѣ, звоню; выходитъ человѣкъ съ бѣлокурными завитками на головѣ.

— Здѣсь живетъ капитанъ б. Т?..

— Здѣсь.

— Можно его видѣть?...

— Никакъ нѣтъ-съ; ихъ дома нѣтъ; они въ гавани.

Сажусь на извозчика и лечу въ гавань.

— Капитанъ б. Т. здѣсь?

— Капитанъ только что уѣхалъ домой; работы кончились и команда съѣла обѣдать.

Снова сажусь на извозчика, снова подымаюсь на лѣстницу, снова звоню, и снова встрѣчаю неудачу.

— Капитанъ только что вышелъ, говоритъ человѣкъ съ бѣлокурными завитками на головѣ, — они пошли въ клубъ читать газеты.

Я усталъ жестоко и потъ катилъ съ меня градомъ; но дѣлать нечего; я рѣшился не выѣзжать изъ Кронштадта пока не добьюсь толку.

Капитанъ дѣйствительно находился въ клубѣ.

Я назвалъ себя по имени, рассказалъ капитану о своемъ назначеніи и убѣдительно просилъ его сообщить мнѣ навѣрное о днѣ когда „Ретвизанъ“ уйдетъ въ море.

Капитанъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ.

— Бѣ сожалѣнію, я ничего не могу сказать вамъ объ этомъ; произнесъ онъ ровнымъ, спокойнымъ голосомъ, — корабль только вооружается... Вообще, надо вамъ замѣтить, — у насъ въ морскомъ дѣлѣ никогда нельзя рассчитывать или опредѣлять навѣрное.....

Капитанъ остановился; свѣтлые глаза его ясно между тѣмъ говорили, что онъ еще хотѣлъ что-то прибавить, но какъ будто стѣснялся чѣмъ-то.

— Я долженъ вамъ сказать, присовокупилъ онъ наконецъ, тѣмъ же ровнымъ, спокойнымъ тономъ, — я не получилъ еще никакого предписанія насчетъ васъ... мнѣ даже слова объ этомъ не сказано... Признаюсь, я въ первый разъ даже слышу, что съ нами пойдетъ литераторъ....

При этомъ извѣстїи, меня съ головы до ногъ окатило холоднымъ потомъ.

— „Что-жъ это значитъ? разсуждалъ я мысленно,—ужь не мистификація ли все это? не подшутилъ ли П* надо мною?... Но нѣтъ! быть не можетъ! Не далѣе какъ въ Январѣ мѣсяцѣ получилъ я официальное приглашеніе ѣхать на „Ретвизанъ“ въ Средиземное море.... Какъ же объяснить слова капитана? Гдѣ же и какимъ образомъ добиться истины....“

П* жилъ въ Ораніенбаумѣ; изъ Кронштадта я прямо къ нему отправился.

— Откуда взяли вы, что корабль уходитъ пятнадцатаго Мал? спросилъ я, передавъ ему всѣ неудачи настоящаго утра.

— Мнѣ сказалъ объ этомъ Г*, возразилъ удивленный П*,— мнѣ собственно Г* и поручилъ передать вамъ это извѣстіе.

— Сію же минуту ѣду отыскивать Г*, возразилъ я хватаясь за шляпу.

— Совершенно напрасно.

— Это почему?

— Недѣли полторы назадъ, Г* уѣхалъ за границу....

Вотъ тебѣ на! Признаюсь: этого только не доставало!!..

Ясно было: пускаться въ дальные хлопоты и распросы, значило только убивать золотое время; я тутъ же рѣшилъ уложить чемоданъ и отправиться во свояси.

Планъ мой не удался однакожъ:—и вотъ почему: пока я собирался, мнѣ принесли пакетъ; въ немъ заключалось второе, форменное приглашеніе отъ морскаго министерства.

Я тотчасъ же успокоился; на столько успокоился, на сколько прежде волновался: меня снова потянуло въ Кронштадтъ: но этотъ разъ я поѣхалъ туда съ радостнымъ сердцемъ. Мнѣ хотѣлось взглянуть на корабль и познакомиться съ офицерами, будущими моими мореходными товарищами.

Для человѣка, который не знакомъ съ Кронштадтомъ, который судить о немъ по наружности, который видитъ только стѣны этого города и не знаетъ, что скрывается за этими стѣнами, словомъ, для котораго сокрытъ духъ, смыслъ города, для такого человѣка Кронштадтъ не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго. Впечатлѣніе производимое Кронштад-